

Впрочем, продолжает свой рассказ Мэтлок, если действия госсекретаря Бейкера были необдуманны, то разговор президента Буша с Горбачевым по телефону был образцом прямой беспечности. Уверяя Горбачева, что Ельцин за время своего пребывания в Вашингтоне не проявил нелояльности по отношению к президенту СССР, Буш уведомил его, что информация о заговоре исходит от Попова. И это при том, что разговор президентов наверняка прослушивался людьми Крючкова. Трудно было поверить, восклицает Мэтлок, что бывший глава Центрального разведывательного управления, который неизменно гордился своим профессионализмом и делал выговор за всякую утечку информации, даже незначительной, мог допустить такую неосторожность, такую беспечность!

А что Горбачев, как сам Горбачев действовал в этой обстановке, которая была несомненным предвестником августа девяносто первого?

Завороженный собственными планами и ожиданиями, Горбачев в оставшиеся до рокового путча недели жил и действовал, говорят Мэтлок, как сомнамбула, у которого свои мерки, не согласующиеся с измерениями в реальном предметном мире.

40 ЛЕТ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тибор Мераи

ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ КРЕМЛЬ

(Отрывки из одноименной книги *)

В мае 1956 года в Национальной академии музыки состоялась премьера оратории друга и сподвижника Бела Бартока, крупнейшего венгерского композитора Золтана Кода на слова поэмы XVII века. Автор этой поэмы, выдающийся полководец и писатель Миклош, сражался против немцев на западе и против турок на востоке и юге. Исполнение сопровождалось возгласами: "Руки прочь от Венгрии!" Аудитория была возбуждена, многие плакали. После финального аккорда зрители встали и стоя аплодировали находившемуся в зале старому композитору. С ним рядом сидел Имре Надь. Нескончаемая овация относилась к ним обоим, ибо оба они стремились к одному и тому же — к освобождению Венгрии.

Примерно тогда же вернулся из Москвы после своей выставки скульптор Зигмунд Штробл Кишфалуди, который пользовался расположением партийной верхушки. Там он сделал бюст председателя Президиума Верховного Совета СССР маршала Ворошилова. Оба они были любители выпить. Однажды, за совместной выпивкой, Ворошилов разоткровенничался:

"Ракоши — большой мерзавец, Гере — ничтожество, а о других и говорить не стоит. В вашем партийном руководстве есть только один честный человек — Имре Надь"...

К началу июня 1956 года этому честному человеку исполнилось 60 лет.

* Tibor Meray, *Thirteen Days that Shook the Kremlin*, Praeger, N.Y., 1959.

Решения XX съезда КПСС и ослабление международной напряженности, которое имело последствием улучшение отношений Советского Союза с Югославией, а также посещение Лондона Хрущевым и Булганиным, вынудили Ракоши пойти на уступки — и не только на словах, но и на деле. Во время визита советских вождей в Лондон представители лейбористов передали Хрущеву список социал-демократов, которые томились в тюрьмах стран народной демократии. И пришлось Ракоши освобождать тех, кто числился в этом списке.

27 июня 1956 года, как раз в трехлетие провозглашения "политики июня"¹, которая была неразрывно связана с именем Нады, дискуссия в кружке Петефи достигла своего апогея, хотя, казалось, обсуждался спокойный вопрос: "Проблемы информации и печать". В дискуссии участвовали лучшие писатели, журналисты и ученые Венгрии. Именно тогда аудитория в шесть тысяч человек, в которой были представлены все слои населения, услышала правду о преступлениях сталинского руководства во главе с Ракоши. Три присутствовавшие члена Центрального Комитета пробовали защищаться, но выглядели при этом беспомощно. С заключительным словом выступил член партии Гейза Лошончи, блестящий публицист и политический деятель, который годы отсидел в тюрьмах, не совершив никакого преступления:

"Бессмысленно говорить о внутрипартийной демократии, о свободе слова, о критике и самокритике, пока Имре Надь лишен возможности защищать себя против своих обвинителей", — сказал Лошончи.

При упоминании имени Нады все присутствовавшие поднялись со своих мест и стали требовать возвращения его в партию.

Через два дня Ракоши созвал Центральный Комитет. Тоталитарный режим не мог допустить расхождений ни в партийном руководстве, ни среди рядовых членов партии; не мог он примириться и с существованием, наряду с парламентом, кружка Петефи. Не могло быть также двух вождей — Матиаша Ракоши и Имре Нады. Члены Центрального Комитета, напуганные известиями о восстании польских рабочих в Познани, приняли резолюцию, в которой осуждали "антипартийную и антинародную" де-

ятельность кружка Петефи и группировавшиеся вокруг Нады "правые элементы".

Но Ракоши не удовольствовался этим постановлением. Он составил список 400 лиц, которых, по его мнению, следовало немедленно арестовать для восстановления порядка и спокойствия в стране. Первым значился Имре Надь.

Эта идея Ракоши оказалась роковой для него самого. Москва потеряла терпение. Переговоры с Тито были в разгаре и шли к "восстановлению дружественных отношений между двумя государствами". Советы готовы были убрать Ракоши, так как Тито его ненавидел. В Будапешт был послан Микоян.

Через три недели после бурных дискуссий в кружке Петефи и примерно через две недели после единогласного осуждения Центральным Комитетом кружка Петефи и Нады, тот же Центральный Комитет и так же единогласно снял Ракоши с поста первого секретаря, назначив на его место Эрно Гере. Ракоши пришлось покинуть страну и укрыться в Советском Союзе.

... Утром 23 октября 1956 года радио сообщило о многочисленных студенческих демонстрациях в Будапеште. Их участники требовали "восстановления товарища Нады на посту руководителя государства и партии".

Накануне вечером на собраниях различных организаций были приняты резолюции с аналогичными требованиями. Люди ощутили себя как первые христиане в римских катакомбах, когда те, наконец, смогли произнести вслух запретное прежде имя Христа. Однако в катакомбах христиане были защищены отъединенностью и мраком их убежища, а на залитых солнцем улицах Будапешта, когда люди читали вслух резолюции студентов, они были в безопасности благодаря сочувствию толпы.

Студенты требовали:

1. Немедленного, соответствующего мирному договору, вывода всех советских войск.

2. Выборов тайным голосованием всех без исключения должностных лиц Венгерской партии трудящихся; немедленного созыва партийного съезда для перевыборов Центрального Комитета.

3. Нового правительства во главе с Имре Надем; удаления всех руководителей, замешанных в преступлениях времен Сталина — Ракоши.

4. Публичного расследования преступлений Михая Фаркаша и его сообщников; возврата в страну и предания суду Матиаша Ракоши как наиболее ответственного за совершенные в прошлом преступления, за разорение страны.

5. Перевыборов Государственного собрания на основе всеобщего и тайного голосования с участием всех партий; признания за рабочими права на забастовку.

6. Пересмотра отношений с Советским Союзом и Югославией в политической, экономической и культурной областях на основе полного равенства и невмешательства во внутренние дела.

7. Перестройки венгерской экономики под руководством специалистов и в интересах венгерского народа.

8. Публикации торговых договоров с иностранными государствами и сумм невыплаченных репараций; точных сведений о залежах урана в Венгрии, об их эксплуатации и о советских урановых концессиях; свободной продажи урана за твердую валюту и по ценам мирового рынка.

9. Пересмотра норм заработной платы с целью их немедленного радикального изменения в интересах рабочих и интеллигенции; согласования с рабочими минимальных ставок оплаты труда.

10. Пересмотра независимыми судами всех приговоров по политическим и экономическим обвинениям, реабилитации невиновных; немедленной репатриации военнопленных и депортированных в СССР венгерских граждан.

11. Свободы мнений и слова, печати и радио; разрешение на издание ежедневной газеты Союза венгерских студентов.

12. Удаления в кратчайший срок статуи Сталина — символа тирании и политического гнета — из Будапешта и замены ее памятником борцам, погибшим за свободу в 1848-1849 гг.

13. Замены чуждых венгерскому народу эмблем старой венгерской эмблемой Кошута; новой формы для венгерской армии, отвечающей национальным традициям; объявления 15 марта национальным праздником и 6 октября днем национального траура с отменой занятий в школах.²

Студенты будапештского технического института единодушно заявили о своей солидарности с рабочими и студентами Варшавы и всей Польши с их стремлением к национальной независимости. Они обязались в кратчайший срок организовать отделение Союза венгерских студентов и созвать 27 октября Парла-

мент молодежи, в котором будут представлены все венгерские молодежные организации.

* * *

24 октября 1956 года, ночью, в 4.30, будапештское радио, вместо обычной музыкальной программы, передало сообщение Совета Министров:

”Фашистские реакционные элементы совершили вооруженные нападения на общественные здания и силы правопорядка. Впредь до восстановления спокойствия всякие собрания, собрания и демонстрации запрещаются. Полицией частям отдан приказ обходиться с нарушителями порядка по всей строгости закона”.

В городе слышалась ружейная стрельба, по улицам двигались танки.

После того как коммюнике Совета Министров было повторено четырежды, в 8.13 утра радио сообщило о назначении Имре Надя главой правительства. В сообщении, однако, подчеркивалось, что смещенный премьер Андраш Хегедуш остается первым заместителем и главным советником Надя. В том же сообщении говорилось, что Центральный Комитет утвердил Эрно Гере на посту первого секретаря...

Народу, тем самым, удалось восстановить Надя как руководителя государства, но в правительстве остались политики времен Ракоши — Гере, Хегедуш, Киш и Апрош. Впрочем, это не поколебало бы прочности позиции Надя, если бы не маневр клики Гере.

Первым шагом нового правительства, о котором немедленно, в 8.45, сообщило радио, было введение военного положения. Согласно опубликованному декрету, всем зачинщикам беспорядков грозила смертная казнь. Надя, которого народ вознес на вершину власти и которому верил, прибег к методам своих предшественников. Так, по крайней мере, это было воспринято населением Будапешта.

Но и это еще не все. После двукратного повторения декрета, подписанного Надем, радио передало следующее:

”Правительственные организации обратились за помощью к советским войскам, которые, согласно Варшавскому договору, расположены на территории Венгрии. По хо-

датайству правительственных организаций, советские войска окажут поддержку при восстановлении порядка”.

Переданные одно за другим, эти два сообщения, из которых только одно на самом деле было подписано Надем, вызвали полную неразбериху. Большинство поверило, что оба они исходят от Надя. Нужно было очень хорошо ориентироваться, чтобы заметить, что в сообщении о приглашении советских войск, в отличие от первого, говорилось не о правительстве, а о ”правительственных организациях”.

Просить помощи у солдат угнетавшего Венгрию государства было равносильно измене. Узвленный в своей национальной гордости народ вышел на улицы, чтобы отстаять свою свободу и независимость.

Попытка скомпрометировать Надя в конечном счете потерпела неудачу благодаря огромной популярности нового премьера, доверию, которым он пользовался, надеждам, которые он воскресил.

Большинство, оправившись от неожиданности, отказалось поверить, будто советские войска были вызваны по его инициативе, хотя народу были неизвестны закулисные интриги и непонятны оттенки формулировок в официальных коммюнике. Вопреки объявленному военному положению, на заполненных народом улицах столицы продолжались демонстрации против Гере и его клики. Группы студентов скандировали: ”Долой Гере!” и ”Русские, убирайтесь домой!”. Но никто не выступал против Надя. Напротив, распространился слух, что агенты тайной полиции пытаются навязать Надю свою волю.

Что же произошло на самом деле?

Имре Надь находился тогда не в здании парламента, где полагалось заседать правительству, а в Центральном Комитете на улице Академии. Он не имел контактов с внешним миром, фактически он был пленником. Приняв пост главы государства, он взял на себя огромную ответственность, но обладал лишь малой толикой той власти, которой обычно обладает премьер-министр. Впрочем, Надь был пленен не только танками и пулеметами, его связывал не только сталинский партаппарат — прежде всего он оказался в плену у своих собственных убеждений. Свидетельство тому — его ”Обращение к венгерскому народу”, с которым он выступил по радио в 12 час. дня. В речи Надя звучал отчаянный призыв:

”Порядок, спокойствие, дисциплина. Это требование ко всем”.

Он просто умолял прекратить борьбу. Он не мог допустить, чтобы ”святое дело национального возрождения было запятнано кровью”.

Надь силился смягчить впечатление, оставленное первым декретом его правительства о введении военного положения. Он предотвратил суды над повстанцами, которых захватили с оружием в руках. За все время пребывания Надя на посту главы правительства не было ни одного смертного приговора...

Обстановка в городе резко переменялась. Советские войска, при их численном превосходстве, сломили сопротивление повстанцев, но во многих районах Будапешта бои продолжались и даже усиливались. Советское вмешательство изменило положение и политически, и морально. Ситуация упростилась, а борьба приняла иной характер. Речь теперь шла не об усмирении повстанцев и не о борьбе между ними и тайной полицией. Началась советско-венгерская схватка. Внутренний конфликт перерос в битву за освобождение нации от иноземного поработителя. Особенно очевидна была перемена настроения армии. С самого начала многие венгерские офицеры и солдаты симпатизировали повстанцам, но их симпатия обычно не заходила дальше снабжения повстанцев оружием. Советская интервенция облегчила выбор. Большинство офицеров — члены партии или Союза коммунистической молодежи — в те драматические часы примкнуло к восставшим. На их сторону переходили целыми полками, среди них Военная академия Эрини под командованием полковника Андраша Мартона.

Венгерским бойцам удалось вывести из строя значительное число советских танков. Плохо вооруженные повстанцы действовали партизанскими методами, которые усвоили из советской военной беллетристики. Основную массу повстанцев составляла молодежь.

Сообщения будапештского радио о текущих событиях перемежались музыкой из оперетт. На улицах плясала смерть, а по радио звучали вальсы и канканы. Между тем в стране, где газеты не выходили и коммуникации были прерваны, радио осталось единственным источником информации.

Надь встретился с делегатами повстанцев, но их беседа была слишком краткой. Если бы он отказался тогда от абстрактных схем и установил действительный контакт с повстанцами, то понял бы, что они — не бандиты, а воодушевленная благородной целью молодежь. Конечно, в среде повстанцев были "хулиганы" — и фашисты, и уголовники. Но они были в незначительном меньшинстве. Ядро повстанцев составляли сторонники Нады, воспреемники его идей. Это они сражались на баррикадах и изготовляли "коктейли Молотова". Сопротивлением руководили офицеры-коммунисты, тоже последователи Нады, которые перешли на сторону восставших вместе со своими солдатами. Партия потерпела полный крах. Это было необратимо.

Повстанцы призвали к всеобщей забастовке. Все население столицы прекратило работу.

Во второй половине дня радио передало воззвание:

"Коммунисты! Бойцы! В этот тяжелый час, когда наметились известные успехи в борьбе с контрреволюционными бандами, обязанность всех членов партии, независимо от должностей, защищать мир и порядок. Убеждайте колеблющихся восстановить порядок! Рабочий класс одержит полную и быструю победу над контрреволюционерами и убийцами!"

Это было едва прикрытое признание поражения. Партия, уверенная в своих силах и авторитете, поступила бы иначе. Она вооружила бы своих приверженцев, вывела бы их на улицы штурмовать баррикады. Численность венгерских коммунистов превышала 800 тысяч. Среди них было много мужчин, способных носить оружие. Но партийное руководство не решилось вооружить их, опасаясь, что они повернут оружие против собственных вождей...

В два часа дня перед зданием Центрального Комитета партии на улице Академии появились советские танки. Из них вылезли двое в штатском — маленький длинноносый армянин и высокий худой русский. Это были Анастас Микоян и Михаил Сулов, ближайшие советники главы советского правительства.

Надь был знаком с обоими. Он встречался с Микояном за три месяца перед тем в советском посольстве. Тогда Микоян заверил Нады, что исключение его из партии произошло без ведома

советского руководства, и просил не отказывать в поддержке Гере.

Что касается Сулова, Надь видел его полтора года назад. Сулов появился у постели больного Нады и уговаривал его "раскаться".

Надю было известно, что Микоян придерживался так называемого нового курса, а Сулов остался закоренелым сталинистом. Вместе с Молотовым Сулов категорически возражал против сближения с Тито, защищал Ракоши.

Факт, что они прибыли вместе, представлялся Надю весьма существенным. Они как бы воплощали единство советского руководства.

Надь долгие годы провел в Москве и имел основание полагать, что он разбирается в механизме власти Кремля. Присутствие посланников Политбюро заставляло его считаться с их мнениями. Помещение, предоставленное Микояну и Сулову в Центральном Комитете, стало местом, откуда исходили все решения. Надь и прежде не был свободен в своих действиях, а после этого тем более.

Гнев посланников Кремля обрушился на Гере. Они обвиняли преемника Ракоши во всех смертных грехах. Они говорили, что Гере показал себя плохим политиком. Он не начал исправлять положение в духе XX съезда. Наперекор советам Москвы, он не просил помощи у товарища Нады. Сулов и Микоян привезли в своих портфелях распоряжение об отставке Гере.

Советские сановники утверждали, что остался только один выход: как можно быстрее подавить контрреволюцию силой оружия. Они говорили, что империалисты уже успели извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Как только с восстанием будет покончено, Венгрии надлежало вступить на новый путь, указанный XX съездом КПСС.

Советские сановники полагали, что Гере не следовало выступать публично. Вместо него от имени партии к народу обратится Янош Кадар и выскажется за поддержку правительства Нады.

Уже тогда Кадара готовили для замены Гере. Однако в своем выступлении Кадар лишь повторял привешенные за сутки штампы: "вылазка реакционных и контрреволюционных элементов против власти рабочего класса", "провокаторы должны капитулировать или будут раздавлены" и т.д. Кадар призвал коммунистов и рабочих поддержать правительство и пре-

кратить забастовку, но не сказал ни слова о самом главном — о выводе советских войск. Зато он отозвался с симпатией о советских солдатах, назвав их "союзниками и братьями".

Об отставке Гере не сообщалось. Поэтому возобновление работы означало для жителей Будапешта подчинение человеку, которого они люто ненавидели. После призыва вернуться на работу правительство отменило военное положение. Десятки тысяч высыпали на улицы, чтобы узнать новости и обменяться мнениями по политическим вопросам. Скопления студентов, рабочих и служащих вскоре снова перешли в демонстрации. И снова раздался клич: "Долой Гере!"

Знай тогда население, что Гере уже в отставке, возможно, события не приняли бы трагического оборота.

К демонстрантам присоединялись стоявшие в очередях перед булочными. Все были безоружны. Они несли национальные венгерские флаги и шли к зданию парламента с намерением увидеть Надя.

Колонну нагнали советские танки. Среди демонстрантов нашлись говорившие по-русски. Они старались объяснить советским солдатам, что это не фашисты, не контрреволюционеры, что венгры не хотят возвращения старого режима, что их главная цель — свобода и независимость страны.

Юноши взбирались на советские танки и водружали на них венгерские флаги. Демонстрация дошла до здания парламента. Появился офицер тайной полиции, который приказал немедленно разойтись на том основании, что сборища и демонстрации запрещены. В его словах проскользнуло опасение, что демонстранты намереваются атаковать парламента. Это вызвало возмущение. По пути не было никаких инцидентов, покушаться на Государственное собрание никто не думал. "Свинья, — кричали демонстранты, — убийца! Долой тайную полицию!"

На крыше Министерства сельского хозяйства, против здания парламента, расположился отряд тайной полиции для наблюдения за происходящим на площади и прилегающих к ней улицах. Во время перепалки между офицером и толпой солдаты этого отряда без всякого предупреждения открыли огонь.

Началась паника. Часть демонстрантов пустилась в бегство, другие бросились на землю. Кровавый хаос достиг апогея, когда советские танки открыли огонь по находившимся на крыше полицейским, так как советские солдаты решили, что стреляют в

них. Однако они стреляли не только по крыше, но и по толпе. Площадь усеялась убитыми и ранеными. Согласно показаниям многих свидетелей, убитых было примерно 170-180 человек. Эти данные расходятся с докладом охранявшего парламента отряда тайной полиции. В нем говорилось, что убитых было всего 22, в том числе четыре полицейских. Кроме того, были убиты и ранены среди советских солдат.

Весть о бойне, которая произошла между 11 и 12 часами утра 25 октября, быстро распространилась по городу и накалила атмосферу до чрезвычайности. Гнев был направлен прежде всего против тайной полиции. За оружие взялись люди, до тех пор не помышлявшие о вооруженном сопротивлении.

Примерно через час после происшествия у здания парламента радио сообщило о смещении Гере и замене его Кадаром. Эта весть могла бы изменить ход событий, будь она объявлена на два-три часа раньше.

Днем Кадар и Надя выступили по радио. Кадар не сказал ничего нового. Он обрисовал создавшееся положение и дал несколько неопределенных обещаний. Однако Надя не ограничился фразами о контрреволюционерах. Он говорил о возмущении рабочих и объяснял его ошибками прошлого. Он обещал предложить программу реформ ближайшей сессии парламента и реорганизовать правительство в соответствии с пожеланиями Патриотического Народного фронта. Но самое главное, Надя заверил, что правительство начнет переговоры с Москвой об отношениях между обоими государствами и в первую очередь о выводе из Венгрии советских войск. Он подчеркивал, что эти переговоры будут вестись в духе "советско-венгерской дружбы, пролетарского интернационализма, равенства между коммунистическими партиями социалистических стран и на основе национальной независимости". Казалось, Надю удалось добиться от Микояна и Сулова некоторых уступок.

26 октября в 4.30 утра военное положение было восстановлено. Будапештское радио непрерывно повторяло предостережения: не выходить на улицу под страхом смерти. Заводы и фабрики было приказано закрыть. Через несколько часов военное положение несколько смягчилось. Населению разрешили выходить из дому для покупки продовольствия и других неотложных дел.

Радио передавало сумбурные и мало информативные сообщения. Угрозы, предостережения, призывы к разуму и бодрые реляции о победах над повстанцами следовали одно за другим.

А в это время в провинции солдаты венгерской армии передавали винтовки и танки восставшим, присоединялись к ним. Началась всеобщая забастовка.

Микоян и Сулов старались найти путь к стабилизации положения. Они хотели прекратить восстание, а Надь был единственным человеком, способным восстановить порядок. С другой стороны, Надю тоже было проще иметь дело с ними, чем со своими партийными бюрократами. У Микояна и Сулова не было причин цепляться за Гере и других сообщников Ракоши, они не дрожали за свое положение и привилегии.

Утром в пятницу 26 октября было созвано совещание Центрального Комитета для обсуждения создавшегося положения. Враги Надя все еще преобладали численно, однако Гере и Хегедуш уже отсутствовали. По предложению Микояна они выехали из Будапешта на советских танках и покинули страну. У них не было другого выхода: рано или поздно выяснилось бы, кто призвал на помощь советские войска, и им пришлось бы ответить за это.

Сталинисты предложили резолюцию, которая осуждала "проникшую в страну измену". Центр ее находился будто бы "на улице Академии". ЦК эту резолюцию принял.

На том же совещании обсуждался вопрос о создании рабочих Советов по югославскому образцу. В рабочих Советах Надь видел средство восстановить популярность власти и, таким образом, укрепить порядок. Постановление об учреждении этих Советов было, в конце концов, принято.

Опубликованное Центральным Комитетом коммюнике заметно отличалось от предыдущих. В нем не было упоминаний ни о контрреволюции, ни об империалистах. Напротив, говорилось о трагедии последних дней, высказывалось сожаление о пролитой крови. Центральный Комитет признал необходимость "широкой национальной программы преобразования Венгрии в демократическую, социалистическую, независимую и свободную страну".

Коммюнике показывало, что партия, чтобы сохранить свою власть, готова взять на себя инициативу осуществления некото-

рых требований народа. На этой несколько неопределенной платформе Надю предстояло составить правительство.

* * *

Между тем, в столицу приходили известия, что восстание не только не утихло, но расширяется. Свободные радиостанции западных областей Венгрии сообщали, что советские солдаты растянулись вдоль 150-километровой австро-венгерской границы. В Западной Венгрии победили восставшие. Советские войска не вмешивались, а венгерские присоединялись к повстанцам. Провинциальные города один за другим провозглашали себя "свободными". По радио пришло также сообщение из-за рубежа, что Соединенные Штаты, Великобритания и Франция потребовали созыва Совета Безопасности Организации Объединенных Наций для принятия мер против "иностранной военной интервенции в Венгрии". Московское радио тотчас же откликнулось заявлением, будто восстание инспирировано и финансируется Соединенными Штатами и другими западными державами.

Однако в столице, где борьба продолжалась, советские войска постепенно одерживали верх. Но у повстанцев еще оставался оплот, защитники которого не хотели прекратить сопротивления и сдаться на милость победителя. Это были казармы Кириана. В субботу австрийскому журналисту венгерского происхождения удалось туда проникнуть. Его провели к командиром защитников казарм, осажденных советскими танками.

"У нас выбора нет, мы либо победим, либо погибнем, — сказал он. — Мы доверяем Имре Надю, но сдадимся лишь венгерским войскам нового правительства, если признаем его достойным".

Командующий казармами представился журналисту как полковник Аш. На самом деле его звали Пал Малетер. Он начал свою военную карьеру еще при Хорти. Попав в плен к советским войскам во время второй мировой войны, Малетер пошел добровольцем в партизаны и сражался против наци. После войны он окончил советскую военную академию и вплоть до восстания служил в бронетанковых частях.

Малетер рассказал журналисту, как он из кадрового офицера превратился в военного руководителя восстания:

”Рано утром в среду 24 октября я получил приказ от министра обороны повести отряд из пяти танков против повстанцев восьмого и девятого округов. Когда я туда прибыл, я понял, что это вовсе не бандиты, а преданные сыны Венгрии, которые отстаивают ее свободу. И я уведомил министра обороны, что перехожу на сторону повстанцев”.

К субботе об обороне казарм Килиана знала вся страна. Были и другие продолжавшие сопротивление изолированные группы, но именно защитники казарм Килиана стали символом борьбы. Их было тысяча двести человек, в большинстве — совсем молодые. Толстые стены казарм защищали их даже от тяжелых снарядов советской артиллерии. Обстреливавшие казармы советские танки один за другим выходили из строя. Вокруг казарм можно было увидеть десятки подбитых танков.

Отдельные группы повстанцев держались на некоторых площадях Буды. Они поклялись стоять на месте, пока советские войска не уйдут из Венгрии, или умереть. Эти группы были отрезаны одна от другой и могли поддерживать только случайные контакты. Каждая действовала совершенно самостоятельно, соответственно обстоятельствам.

К рассвету в воскресенье со многими очагами сопротивления было покончено. Хотя защищаемые полковником Малетером казармы Килиана продолжали держаться, советские войска стали хозяевами положения. Они разместились вдоль главных городских артерий; общественные здания охраняли их броневики. Советские солдаты обыскивали прохожих. Теперь уравновесить советское военное превосходство можно было только политическими мерами.

Штурм казарм Килиана был назначен на 6 часов утра. Предполагалось снести до основания и сами казармы, и окружающие их дома. На рассвете об этом плане доложили Надю.

Если бы советские танки при поддержке самолетов сосредоточили огонь на казармах, ”порядок” был бы, конечно, восстановлен, но человеческие жертвы были бы очень многочисленны. К потокам крови, уже пролитым перед парламентом, добавилось бы истребление повстанцев в казармах Килиана и в других очагах сопротивления, и страшная память об этом навсегда лишила бы Надя народного доверия.

За полчаса до штурма Надя телеграфировал военному руководству, что уйдет в отставку, если штурм состоится. Этим он спас жизни нескольких сотен молодых венгров и открыл возможность мирного разрешения конфликта.

В ходе переговоров с военными Надя понял, что действовать надо решительно. Микоян и Суслов покинули венгерскую столицу, заверив Надя, что полностью ему доверяют. Тогда казалось, что и Кадар был с ним заодно.

В воскресенье утром последний раз собрался Центральный Комитет Венгерской партии трудящихся. Он принял ряд постановлений, которые имели целью стабилизировать положение. В одном из них говорилось, что несмотря на участие в восстании контрреволюционных элементов, его нельзя считать контрреволюцией, поскольку оно было действительно народным, демократическим движением. В этом постановлении признавалось, что главная причина восстания — преступления прежних руководителей партии и государства, а цели восставших — свобода, демократия и государственный суверенитет — единственно возможная основа социализма в Европе. Правительство, говорилось в постановлении ЦК, обязано удовлетворить законные требования народа.

Постановление ЦК призывало к немедленному прекращению военных действий. Обещалось, что за участие в восстании преследований не будет. Воинским частям предписывалось не стрелять, если они не подвергаются вооруженному нападению.

В этом же постановлении говорилось о необходимости создать новые вооруженные силы, которые опирались бы на рабочих и молодежь. Как только восстановится порядок, начнется организация национальной милиции, а прежняя политическая полиция должна быть распущена.

ЦК постановил также заменить советскую звезду на государственном флаге Венгрии эмблемой Кошута, а 15 марта — дату начала революции 1848 года — восстановить как национальный праздник. Как только будет создана новая милиция, правительство обещало добиться вывода советских войск из Будапешта. Оно обещало также начать переговоры с Советским Союзом о выводе с территории Венгрии всех советских войск.

Руководство партией Центральный Комитет постановил передать группе из шести человек — Анталу Апро, Каролу Кишу, Ференцу Миниху, Имре Надю и Золтану Санто. Главой этой груп-

пы был назначен Янош Кадар. Группе предоставлялись все полномочия до начала четвертого съезда партии, который предполагалось созвать в кратчайший срок.

* * *

В Будапештском университете собрались студенты, преподаватели и виднейшие представители интеллигенции. Они избрали Революционный совет венгерской интеллигенции. Среди его членов было много коммунистов и сторонников Надя. В свое время они открыто выступали против Ракоши, и их престиж был очень высок. Еще до восстания, работая в кружке Петефи, они много сделали для разоблачения позорного прошлого. Имена их были известны, и были основания рассчитывать, что народ к ним прислушается. Собрание в университете попыталось сформулировать программу, приемлемую и для Надя, и для народа.

В ней утверждалось:

- промышленностью в целом и каждым заводом в отдельности должны управлять свободно избранные Советы рабочих;
- должна быть обеспечена свободная инициатива в хозяйстве, отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов государству;
- должна быть гарантирована полная свобода печати и собраний.

В программе также указывалось на желательность всеобщих выборов при тайном голосовании, но не на основе многопартийной системы, а путем выставления индивидуальных кандидатур.

Что же касается отношений между Венгрией и Советским Союзом, то программа настаивала на их немедленном пересмотре на основе полного равенства. Было выдвинуто требование публикации и пересмотра всех секретных торговых договоров, а также вывода с венгерской территории советских войск. Надь обещал гораздо меньше — вывести советские войска только из Будапешта. Но зато программа не предполагала отказа от Варшавского договора, чего настойчиво требовал народ.

В истории бывают времена, когда целые народы впадают в заблуждение. Это случилось тогда в Венгрии. Сообщение Надя о заключении перемирия и его обещание, что советские войска оставят столицу, возбудили всеобщий восторг. Отважные бор-

цы решили, что одержали не только моральную, но и военную победу. Хотя действительность совсем не располагала к этому, венгры повели себя как победители и принялись ультимативно диктовать свою волю. Как минимум, они соглашались на выплату советскими угнетателями репараций.

Пробудились провинции. Крупные провинциальные города превратились в самостоятельные политические центры. Разные провинции требовали не только немедленного вывода советских войск, но и денонсации Варшавского договора. Горняки хотели, чтобы Надь настоял на выводе советских войск непременно под белым флагом перемирия. Рабочие автомобильных мастерских Сомбахтея постановили не выходить на работу, пока с венгерской земли не уйдет последний советский солдат.

Положение обострилось еще более, когда народ принялся критиковать если не самого Надя, то состав его правительства. Говоря об "авторитете" своего правительства, Надь, скорее всего, обольщался. Но требования удалить из правительства людей, олицетворяющих сталинскую эпоху, были еще сравнительно скромны. Настаивая на таких переменах, Национальный комитет провинции Ваш говорил уже не о венгерском правительстве, а всего лишь о "правительстве Будапешта". А Совет рабочих и студентов провинции Боршод заявил о своем нежелании подчиняться правительству, которое "держится на иностранных штыках".

Особенно сложное положение создалось в Дьере. Радиостанция Дьера перешла в распоряжение революционеров еще раньше, чем будапештское радио. С самого начала восстания она принялась диктовать ультиматум за ультиматумом. В городе был создан временный Национальный совет, который возглавил Аттила Сигети, член Аграрной партии и депутат Государственного собрания. Его избрание не было случайным — Сигети был верным сторонником Надя. Кстати, именно он предложил Надю летом 1956 года выступить в парламенте с критикой Ракоши. Сигети старался держать события под контролем и обеспечить Надю массовую поддержку. Но его собственное положение с каждым днем становилось все более затруднительным. Коллеги Сигети по Национальному совету в присутствии западных журналистов требовали, чтобы он позвонил в Будапешт и справился о точной дате свободных выборов, которые, по их мнению, должны были состояться не позже чем через три месяца.

Они настаивали также на немедленном перемирии и эвакуации советских войск. Если же правительство откажется выполнить эти требования, десятки тысяч жителей Дьера намеревались двинуться в столицу, чтобы присоединиться к повстанцам...

Обстановка в Будапеште тоже накалялась. 26 октября по будапештскому радио транслировалось обращение его работников к народу. В обращении говорилось:

"Наши передачи 24 и 25 октября не отражали народных интересов. Они были оскорбительны для нашей национальной чести и памяти о павших. Редакторы, журналисты и техники радио отказываются сотрудничать с авторами, которые организуют или инспирируют такого рода передачи... Честные работники радио сделают все необходимое, чтобы впредь передачи были правдивыми. Следует назвать изменниками тех, кто, уподобляясь снайперам, расстрелявшим мирную демонстрацию в защиту демократии перед зданием парламента, ставит под угрозу само существование нашей родины".

После трансляции этого обращения правительство уволило с руководящих постов всех сталинистов, а по будапештскому радио был передан призыв:

"Не возобновлять работу, пока советские войска не уйдут из Венгрии!"

* * *

После краткого отсутствия вернулись из Москвы Микоян и Суслов. Они привезли подарок, который превзошел самые радужные надежды венгров — "Декларацию советского правительства об отношениях между социалистическими государствами".*

Начиналась она таким утверждением:

"... страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной

* Текст "Декларации" был напечатан в "Правде" 31 октября 1956 года. С некоторыми сокращениями она перепечатана в журнале "Проблемы Восточной Европы" № 1.— Ред.

целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга".

Мог ли Надь воспринять это заявление Москвы как-либо иначе, чем признание своей правоты? Оно соответствовало принципам, которые он сформулировал на десять месяцев ранее в полной изоляции, под постоянной угрозой ареста и гибели. Тогда считалась ересью идея, что одобренные в Бандунге пять принципов должны определять отношения не только между социалистическими и капиталистическими странами, но и социалистических стран между собой.

Казалось, советское правительство пересмотрело свою позицию. Декларация признавала, что в отношениях между социалистическими государствами были ошибки. Советские руководители заявили об этом недвусмысленно:

"в отношениях между социалистическими странами были нарушения и ошибки, которые умаляли принцип равноправия".

И разве буква этого документа, если не его дух, не совпадала с тем, что писал Надь:

"Тяжелое наследие сталинской эры, ее влияние и ее последствия должны быть в социалистическом лагере изжиты".

Казалось, Москва признала свою вину за события в Венгрии. Она больше не перекладывала ответственность за них на "фашистов" или "империалистов". Декларацию можно было понять так, что венгерские события явились следствием внешней политики самого Советского Союза.

Кроме того, Декларация содержала весьма важные сообщения. Советские войска будут выведены из Будапешта; Москва соглашалась даже на их эвакуацию со всей венгерской территории. В Кремле, очевидно, поняли, что тонущие в грязи венгерских дорог советские танки могут двигаться лишь в одном направлении — назад в СССР. Советское правительство, видимо, было готово посчитаться с реальностью, сохраняя при этом свой престиж и достоинство.

Казалось, советская декларация отдает должное Надю-теоретику и предоставляет свободу действий Надю-политику. Един-

ственным ее условием, единственным ограничением было требование сохранить в демократической Венгрии результаты социализации. Поэтому Надю надлежало сосредоточить свои усилия на упрочении аграрной реформы, национализированной промышленности и других социалистических начинаний. Задача нелегкая. Но дружеский жест Москвы значительно ее облегчал. Микоян и Суслов вели себя очень корректно и всячески обнадеживали Надю, советуя ему действовать спокойно и уверенно. В понедельник, 29 октября, маршал Жуков, отвечая журналистам на приеме в турецком посольстве в Москве, сказал:

«Положение в Венгрии улучшилось. Там сформировалось правительство, которому мы доверяем»...

* * *

..Первая неделя революции заслуживает быть названной «неделей нравственного величия». В разбитых витринах стояли нетронутыми редкие и дорогие товары. Вопреки утверждениям сталинистских радиостанций о «бандитах» и «грабителях», никто не прикасался к драгоценностям... На одном плакате было написано: «Так воруют венгры!», и эта надпись охраняла лучше, чем полиция. Были и другие витрины — пустые, но в них были вывешены уведомления, что «нижеперечисленные товары находятся у швейцара».

Однако позднее наряду с политическими заключенными из тюрем освободились уголовники. Кое-кому из них удалось обзавестись оружием. И только тогда начались вооруженные грабежи, нападения и другие акты насилия.

Большинство повстанцев все еще было вооружено. Военные действия почти прекратились, но некоторые использовали оружие в других целях — они мстили. Началась охота за агентами расформированной к тому времени тайной полиции. Ее сотрудники уже были в штатском или в простой полицейской форме без знаков отличия. Большинство из них не решалось появляться на улицах, они прятались в подвалах. Когда кого-нибудь из бывших агентов узнавали, это было равносильно концу. На одном из перекрестков висел труп — последствие линчевания.

Случалось и так, что гнев обрушивался на невиновных. Фанатики едва не убили солдат военно-воздушных сил и военных оркестров, на мундирах которых были синие нашивки, напомина-

ющие знаки отличия работников тайной полиции. Имели место и «народные суды», которые завершались линчеванием. Установить личность жертв этих «судов» и их действительную виновность было, конечно, невозможно.

Наиболее серьезный инцидент случился утром 30 октября на площади Республики. Там, напротив театра Эркеля, находился Будапештский городской комитет Венгерской партии трудящихся. 23 октября, во время первой демонстрации, туда был направлен отряд тайной полиции из 45 солдат, которые заняли позиции с целью охраны горкома. Большинству солдат было по 21-22 года, они попали в полицию по мобилизации. Это были новобранцы, которые не имели никакого отношения к зверствам этой ненавистной народу организации. Так вот, утром 30 октября к зданию горкома подъехал грузовик с продовольствием для солдат. Неподалеку у мясной лавки стояла длинная очередь, и было ясно, что всем мяса не хватит. В толпе распространился слух, что грузовик привез мясо для сотрудников тайной полиции. Эту новость тотчас же сообщили действовавшим в районе вооруженным повстанцам. Они незамедлительно бросились в атаку на здание горкома, охраняемое отрядом тайной полиции. Командовавшему отрядом лейтенанту удалось взять в плен вожака повстанцев. Он передал его секретарю будапештской партийной организации Имре Межо.

Ветеран гражданской войны в Испании, а затем участник французского Сопротивления, Межо был честнейшим из партийных руководителей. Он был противником политики Ракоши, и поэтому не сделал карьеры. Вместе с Ежефом Коболом он выступил с письменным протестом, когда Надя удалили из партийного руководства. Еще до начала революции именно он предложил включить в венгерский календарь День национального траура в память казненного сталинистами Райка.

В то утро Межо вел переговоры с делегацией министерства обороны об организации вооруженной рабочей милиции для защиты, в случае необходимости, промышленных предприятий. Делегацию возглавляли полковники Ачталос и Папп.

Межо допросил переданного в его руки повстанца и понял из допроса, что нападение должно повториться. Он велел оставить пленного под стражей. Все это вместе взятое — и агенты тайной полиции внутри здания, и грузовик с продовольствием, и приезд двух офицеров, которых тоже приняли за принадлежа-

щих к тайной полиции, и арест одного из повстанцев — взбудоражило толпу. Горком был окружен, его пытались взять штурмом. Из здания отстреливались. Межо и его помощники телефонировали повсюду, ища поддержки. Телефон работал, но просьбы о помощи оказались тщетными. Ни премьер, ни другие руководители не располагали силами, которые защитили бы осажденных в здании партийного комитета.

Наконец, Министерство обороны послало три танка, чтобы разогнать толпу и прикрыть отступление защитников здания. Но когда они прибыли, повстанцы их окружили и убедили танкистов перейти на их сторону. Танковые орудия были направлены на обреченное здание.

Произошло нечто ужасное. Победители-повстанцы разгулялись вовсю. Случайно присутствовавшим иностранным корреспондентам удалось заснять на пленку жестокую расправу. Молодых новобранцев забили до смерти. Тяжело раненый Имре Межо скончался в больнице. Полковник Ачталос был убит. Зверски избитый Папп был повешен за ноги на дерево. Его облили бензином и подожгли.

* * *

После ухода советских войск из Будапешта и роспуска тайной полиции в городе осталось лишь незначительное количество венгерских солдат. В составе венгерских отрядов находились также студенты, на которых Надя мог полностью положиться. Но в этих же отрядах были и вышущенные из тюрем уголовники, и фашистские элементы. Поведение этой единственной вооруженной силы было непредсказуемо. Назрела насущная необходимость создать институты, способные поддержать и укрепить правопорядок, в первую очередь в самом Будапеште.

В решении этой задачи большую роль сыграл начальник будапештской полиции Шандор Копачи. В 1944 году, еще совсем молодым, он активно участвовал в борьбе против нацистских оккупационных войск. Воззрения Надя были ему близки. Копачи понимал, что восстание носит революционный характер, и с самого начала волнений отказывался видеть в их участниках контрреволюционеров. Подчиненные Копачи полицейские во время вооруженных столкновений отказывались стрелять. Более того, многие из них отдали свое оружие повстанцам и этим заслужили даже некоторую популярность.

С 28 октября Копачи и его помощники занялись организацией новой милиции. Они старались привлечь в нее дисциплинированных повстанцев и солдат, которые не запятнали себя венгерской кровью. 30-го октября в главном штабе Народной Армии был создан Революционный совет, который декларировал, что "армия — на стороне народа, защищающего завоевания нашей славной революции".

Создание новой милиции, переход армии на сторону революции и поддержка правительства большинством революционных организаций обеспечили возможность создания дисциплинированной военной силы.

* * *

Декларация советского правительства от 30 октября призвала Надя защитить результаты социализации. Но разве многопартийная система им угрожала? Всего за полгода перед тем XX съезд КПСС признал право каждой страны избрать свой путь к социализму. Надя полагал, что именно многопартийная система может стать таким особым венгерским путем. Он надеялся достичь соглашения со всеми партиями на основе общего признания демократического венгерского варианта социализма.

Надя объявил по радио, что его правительство, при полном согласии Президиума Венгерской партии трудящихся, в целях дальнейшей демократизации отменяет однопартийную систему и постановляет, что страна должна вернуться к системе управления, которая основана на коалиционном сотрудничестве партий и которая начала складываться еще в 1945 году.

Микоян и Сулов полностью поддержали Надя. Они все еще находились в здании Центрального Комитета на улице Академии, и, разумеется, невозможно было бы принять это решение без их согласия. Микоян и Сулов соглашались с Надем и Кадаром и в том, что необходимо вывести советские войска из Будапешта, как было обещано в их заявлении от 30 октября. Они приступили к переговорам о полной эвакуации советских войск с территории Венгрии. На эти переговоры дал согласие и Хрущев.

Во вторник, 30 октября, около 5 часов дня Надя объявил венгерскому народу:

"Братья-венгры! По инициативе правительства эвакуация советских войск началась!"

Микоян и Сулов дружески совещались с венгерскими руководителями. С венгерской стороны переговоры вели Надь, Кадар и Тилди. Последний разъяснил с полной откровенностью, что необходимо сделать: установить многопартийную систему, вывести советские войска из Венгрии и согласиться на выход Венгрии из организации Варшавского договора. Тилди утверждал, что осуществление этих условий — лучшее средство успокоить народ. Венгры, заверял Тилди, не намерены вести антисоветскую политику. Напротив, они хотят укрепить советско-венгерскую дружбу. Однако дружба должна держаться не на силе, а на взаимопонимании, не на подозрительности, а на доверии.

Микоян, со своей стороны, с этими доводами согласился. Он заявил, что советское правительство и он сам лично полностью доверяют венгерскому руководству. Совершенно очевидно, признал Микоян, что советское вмешательство лишь ухудшило положение. Что бы ни случилось, заверял он, советские войска в Венгрию не возвратятся. Москва обещала строго придерживаться своей декларации от 30 октября. Обсуждать детали советская делегация не хотела: теперь венгерские товарищи должны действовать как сочтут нужным. Единственная просьба Микояна — предотвратить реставрацию старого режима. А также — и это Микоян считал самым важным — Венгрия не должна превратиться в антисоветскую базу. Единодушие было полным. Сомневаться в искренности Микояна не было оснований.

* * *

В Венгрии имелись демократические традиции, но подлинно демократической системы управления никогда не было. Во время революции 1848-49 гг. венгерский народ был так изнурен борьбой, что у него не осталось энергии укоренить демократические институты. В последующий период (1848-1918) страна была европеизирована. Однако полукOLONиальное положение Венгрии и господство феодальных устоев сказывалось на всем, начиная с парламента и кончая общественными организациями. Революция 1918 года длилась всего несколько месяцев, а пришедший ей на смену режим Хорти постарался, чтобы революция прочно ассоциировалась в общественном сознании с диктатурой Бела Куна 1919 года.

При Хорти (1919-1944) в стране существовал парламент, в котором была даже оппозиционная партия, и относительная свобода печати и слова. Но сохранялись крупные поместья, крестьяне не имели земли, положение рабочих было совершенно бесправным, в стране насчитывалось 3 миллиона бедняков. Шовинизм и расовые предрассудки тормозили развитие Венгрии, породив в конечном счете фашизм 40-х годов.

После 1945 года возможности демократического развития были сильно ограничены советской оккупацией. Затем утвердился диктаторский режим Ракоши и Гере. Но несмотря на то, что коммунистическая партия и даже само слово "социализм" были дискредитированы, в 1956 году не нашлось бы ни одного здравомыслящего политика, которому пришло бы в голову агитировать рабочих и крестьян, чтобы они вернули "свои" фабрики и землю прежним собственникам. Крестьяне, которых долгие годы донимали реквизициями в пользу государства, часто полностью лишая продовольственных запасов, и которые пережили насильственную коллективизацию, хотели только одного — стать действительными собственниками обрабатываемой ими земли, мирно и спокойно трудиться. А рабочие добивались передачи предприятий в подлинно групповую собственность.

Следовало приблизить социально-политическую структуру Венгрии к таким государствам как Австрия, Швеция или Финляндия (это относилось и к области прав человека, и к международному статусу страны, к обеспечению ее национальной и государственной независимости).

Однако было неясно, возможно ли без конфликтов и катастроф соединить в одном обществе политические и экономические характеристики разных систем, действуя то путем предоставления займов, то путем политического давления, то, наконец, обоими этими способами одновременно. Также было неясно, насколько устойчивой окажется новая государственная структура перед иностранными влияниями. Как говорят венгры, все это было "музыкой будущего". Но не вызывало сомнения, что обновленная Венгрия может стать одним из самых интересных государств современного переменчивого мира.

Мог ли в Венгрии 1956 года возродиться фашизм?

Нет нужды отрицать, что фашизм пустил в Венгрии глубокие корни, и его ростки начали проступать в дни революции. Хор-

тисты часто хвастали, что первой в мире фашистской страной была вовсе не Германия, и даже не Италия, а Венгрия — еще с 1919 года. В стране оставались бывшие члены фашистских организаций и поклонники фашистских идей. Конечно, какая-то часть эмигрировала, но некоторые продолжали жить на родине, а кое-кто возвратился в дни революции. Фашисты восприняли провал коммунистов как подтверждение правильности своего антибольшевизма. Десятилетний советский гнет необычайно обострил венгерский национализм. Двадцать пять лет антисемитизм был официальной политикой хортистов, достигнув кульминации при истреблении венгерских евреев в газовых камерах концентрационных лагерей. А тот факт, что при диктатуре Ракоши — Гере большинство руководителей оказалось еврейского происхождения, содействовал не только сохранению, но и росту антисемитских настроений. Сам Ракоши и другие близкие ему партийные вожди-евреи были так озабочены сокрытием своего еврейства, что не отваживались бороться с антисемитизмом.

И все же можно определенно утверждать, что серьезной опасности возрождения фашизма в Венгрии не было — хотя бы потому, что он потерпел поражение во всем мире. Прежде он захватил венгров только потому, что процветал в Западной Европе. Большинство венгров фашизму не сочувствовало. Они стремились догнать демократический Запад. Народ мечтал о большей свободе и лучшей жизни. Меньше всего хотела Венгрия менять одну диктатуру на другую. Она была по горло сыта ими после тридцатилетнего опыта. Способные видеть и анализировать понимали, что огромная симпатия, с которой была встречена венгерская революция во всем мире, исчезнет немедленно, если в ней возобладают фашистские тенденции. Это было ясно даже тем, кто стоял на крайнем правом фланге. Если страна рассчитывала на моральную и материальную помощь Запада, ей надлежало избрать путь демократии.

Сам Надь был особенно озабочен будущим коммунистической партии, то есть Венгерской партии трудящихся.

Фактически эта партия прекратила свое существование. Перестал выходить ее главный печатный орган. Большинство ее помещений было разорено толпой. Коммунисты сжигали свои партийные билеты. На одной из улиц Будапешта можно было видеть прикрепленный к стене партбилет. Рядом его бывший обладатель написал:

“Удостоверение о моей узколобости. В назидание людям”.

Объяснить, что не все коммунисты виноваты перед народом, было невозможно. Единственным выходом представлялось создание новой партии. С этим согласился и Кадар. Он был готов, видимо, идти даже дальше, как это вытекает из его интервью с итальянским журналистом.

“Какой коммунизм вы отстаиваете, господин Кадар?” — спросил итальянец.

“Новый коммунизм, — последовал ответ Кадара. — Коммунизм, который родился из революции и не имеет ничего общего с кликой Ракоши — Гере”.

“Будет ли этот новый коммунизм подобен югославскому или польскому?”

“Он будет венгерским, — сказал Кадар. — Это будет еще один — третий — тип коммунизма, не похожий ни на титоизм, ни на коммунизм Гомулки”.

“Каков же он будет?”

“Это будет марксизм-ленинизм, приспособленный к особенностям нашей страны. Он не будет инспирирован ни Советским Союзом, ни кем-либо еще. Повторяю, это — венгерский национальный коммунизм. Он явится детищем нашей революции, при которой, как вы знаете, многие честные коммунисты сражались бок о бок со студентами и рабочими”.

“Верно ли предполагать, что ваш новый коммунизм будет сочетаться с демократией?”

“При нашем коммунизме будет оппозиция, а диктатуры не будет. Голос оппозиции будет важен потому, что наш коммунизм должен представлять венгров, а не интересы международного коммунистического движения”.

Надь никогда бы не решился высказать то, что сказал Кадар...

Можно было предвидеть, что при свободных выборах партия получит в лучшем случае 6-8% голосов. Но все-таки с ней пришлось бы считаться. Венгерское коммунистическое движение не было исключительно сталинистским. Оно не исчерпывалось террором, угнетением и вероломством. Честность и смелость, свободолюбие и патриотизм — его неотъемлемые особенности. Не будь этих черт, не было бы и революции 1956 года.

Почему революция разразилась именно в Венгрии? Может быть, из-за низкого уровня жизни? Но жизненный уровень в Румынии и Болгарии был еще ниже. Может быть, потому, что были оскорблены национальные чувства венгров? Но то же самое было и в других странах Восточной Европы. Советские войска стояли и в Румынии, и в Польше. Может быть, из-за кровавых чисток? Но процессы Сланского в Чехословакии и Костова в Болгарии были не лучше расправы с Райком. Из-за раболопства, тупости и преступности венгерских вождей? Но Червенков в Болгарии вел себя не менее лакейски, Георгиу Деж был не умнее, а Энвер Ходжа в Албании — не меньший преступник, чем Ракоши и Гере. Может быть, в силу традиционных связей Венгрии с Западом? Но эти связи значительно сильнее в Чехословакии. Может быть, потому, что Венгрия — не славянская страна? Но Албания и Румыния — тоже не славянские страны, а славянская Югославия порвала с Советским Союзом на несколько лет раньше. Может быть, венгерские события стимулировались примером югославского соседа? Но Югославия имела общую границу с тремя другими странами, в которых правили коммунисты. Может быть, потому, что у Венгрии было фашистское прошлое? Но прошлое Восточной Германии было таким же.

Каждый из перечисленных фактов сыграл какую-то роль. Но был один — только венгерский, и он оказался решающим. Только в Венгрии в рядах самой компартии развивалось два взаимоисключающих течения. Этому способствовала упорная борьба Надя против Ракоши и еще то, что при однопартийной системе инициатива принадлежала только членам компартии. Борьба части коммунистов с режимом Ракоши укрепила их нравственный авторитет в народе. В будущей политической борьбе при многопартийной системе этим не следовало пренебрегать.

* * *

Первые сообщения о переходе границы советской армией и о продвижении ее вглубь страны достигли столицы в среду вечером. Надя было подумал, что речь идет о маневре, связанном с отходом советских частей из Венгрии. Но уже в четверг утром сообщения стали вполне определенными. Транспортные служащие и железнодорожные рабочие телефонировали о широком потоке советских танков и транспортеров, который хлынул назад.

Но во времена сумятицы одни сообщения опровергают другие, и не сразу можно разобраться в том, что же происходит на самом деле. Можно было предполагать, что меры были приняты еще до прилета Микояна в Москву и не отражали новой политической ситуации: ведь нужно время, чтобы повернуть огромную военную машину. Микоян по каким-то непонятным причинам не давал о себе знать. Москва хранила молчание. Кремль затаился.

Вся страна настаивала, чтобы Венгрия объявила себя нейтральной страной. Делегации рабочих, одна за другой, шли к Надю с этим требованием. Надя вызвал советского посла Юрия Андропова и потребовал объяснений. Почему советское правительство отступило от своей же декларации?

Посол ответил, что не располагает точными сведениями, и выразил готовность запросить свое правительство. Он добавил, что обратные передвижения совершенно естественны. Они нужны во избежание инцидентов при отходе. Если бронированные автомобили окружили аэродром, то только для обеспечения безопасности при эвакуации раненых офицеров и солдат, а также членов семей военнослужащих. Ничего другого эти меры не означают.

Надя засомневался, не разыгрывает ли Андропов дурака. Но положение было слишком серьезным. А посол просто врал. В бытность свою в Москве Надя мог не раз наблюдать такого сорта поведение. Если Кремль не считал нужным дать ему хоть сколько-нибудь убедительное объяснение происходящего, это значило, что с Надем больше не считались. Однако еще вчера Надя видел, что советское руководство его поддерживает, еще вчера ему казалось, что в Москве его считают другом.

* * *

За полтора года перед этими событиями, когда его сняли с поста премьера, Надя дал себе клятву никогда впредь не доверять кремлевским вождям. И вот они провели его снова.

Это было наглым нарушением принципов, торжественно сформулированных в советской декларации всего несколько дней назад: "полное равенство прав"; "уважение независимости и суверенитета государств"; уважение территориальной неприкосновенности"; "невмешательство во внутренние дела других государств". Слова, слова, слова. Третьего дня все это было напечатано в "Правде", а теперь растоптано...

"Решения XX съезда, их историческое значение..." — с XX съездом тоже было покончено.

Надь попросил, чтобы Андропов запросил из Москвы разъяснения и передал туда его протест. Даже если хоть один шанс из ста был за то, что случилось недоразумение, Надь не хотел им пренебрегать. С военной точки зрения, положение было безысходным. Надеяться на военную помощь из-за рубежа не приходилось. Надь был достаточно реалистом, чтобы понимать бесцельность просьб о такой помощи. На его вопрос Андропову, почему Советский Союз не выполнил своего торжественного обещания не посылать в Венгрию войска, тот просто промолчал.

Что оставалось делать? Надь созвал Исполнительный Комитет компартии. В заседании участвовали Кадар, Миних, Лукач, Санто, Лошончи, Апро и Киш. Все сошлись на том, что Советский Союз фактически нарушил свои обязательства по отношению к Венгрии, вытекающие из Варшавского договора, а потому премьеру надлежит провозгласить Венгрию нейтральной страной.

Президент Венгрии Иштван Доби одобрил это решение Исполнительного Комитета. Ведь и Варшавский договор, и соглашение Надя с Микояном Советским Союзом поправки, поскольку советские войска — снова на венгерской земле.

Первую советскую интервенцию можно было оправдать просьбой о помощи со стороны венгерского правительства. Но вторая? — Теперь законное венгерское правительство протестовало против интервенции. Согласно советской Декларации от 30 октября,

"размещение войск того или иного государства — участника Варшавского договора производится по договоренности между всеми его участниками и только с согласия того государства, на территории которого по его просьбе размещены или имеется в виду разместить эти войска".

Но было ли получено согласие всех государств — участников Варшавского договора, чтобы волны танков затопили венгерские дороги? Или, может быть, сама Венгрия согласилась на прибытие советских войск? Или она вызывала их? Советский Союз превратил свою же Декларацию в грязный клочок бумаги! И все же Совет министров Венгрии предпринял еще одну попытку. Члены венгерского правительства собрались специально,

чтобы выслушать объяснения советского посла. Встреча была напряженной и мучительной. Андропов выглядел как бы невыспавшимся. Он силился умалить военную угрозу. "Говорить о массовом вторжении советских войск — преувеличение", — уверял он. Просто одни части заменяются другими. Ничего существенного не случилось.

Более десяти лет назад Надь, будучи тогда министром сельского хозяйства, заявил официальный протест по поводу истребления советскими солдатами фруктовых деревьев. Теперь была под угрозой судьба Венгрии. Надь, единственный коммунист, который решался говорить правду Ворошилову, говорил теперь Андропову, что у правительства Венгрии имеются достоверные сведения о свежих советских воинских частях, перешедших венгерскую границу. Надь потребовал их увода. Надь сообщил также Андропову, что Венгрия решила выйти из Организации Варшавского договора и стать нейтральной. Правительство обратится в Организацию Объединенных Наций с ходатайством защитить нейтралитет Венгрии.

Андропов обещал немедленно запросить ответ Москвы.

О решении правительства Надя были уведомлены главы всех дипломатических миссий в Будапеште. Надь направил телеграмму Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Хаммершельду. Он информировал его о создавшемся положении и просил включить венгерский вопрос в повестку дня начинавшейся XI сессии Генеральной Ассамблеи. Гейзе Лошончи было поручено встретиться с аккредитованными в Будапеште представителями иностранной печати.

Будапештское радио передало обращение Надя к народу:

"С чувством глубокой ответственности перед венгерским народом и историей, в соответствии с желанием миллионов венгров, правительство провозглашает нейтралитет Венгерской Народной Республики! Венгерский народ готов поддерживать самые лучшие отношения со своими соседями, с Советским Союзом и с другими государствами мира на основе независимости и равенства, в духе Устава Организации Объединенных Наций.

Венгерский народ будет и в дальнейшем укреплять и развивать достижения своей национальной революции, не присоединяясь ни к какому блоку. Вековые мечты вен-

герского народа осуществились. Революционная борьба венгров в прошлом и ныне за свободу и независимость завершилась победой. Опыт этой героической борьбы побудил Венгрию пересмотреть свои отношения с другими странами, понять, что ее жизненные государственные интересы — в нейтралитете. Мы призываем наших соседей, ближние к нам и дальние государства, уважать решение нашего народа”.

* * *

Нет оснований полагать, что Микоян был неискренен, когда договаривался с Надем, Кадаром и Тилди о выводе из Венгрии советских войск и соглашался на ее выход из Организации Варшавского договора. Но приехавший с соответствующими полномочиями Микоян, вероятно, не знал, что в его отсутствие Москва изменила свою точку зрения. Достигнутые в Будапеште соглашения были отменены Постановлением Президиума Верховного Совета СССР за несколько часов до возвращения Микояна в Москву.

Верховный Совет СССР является, по конституции, высшим органом власти, и он вынес решение не допускать откола Венгрии от социалистического лагеря. Советское руководство принялось действовать в направлении, диаметрально противоположном одобренному за двое суток перед тем. Этот поворот невозможно объяснить ни опрометчивостью, ни идеологической догмой, хотя в какой-то мере имело место и то, и другое. У кремлевских руководителей не было заранее выработанной твердой политической концепции на такой непредвиденный случай. Но у них был здравый смысл, и вряд ли им доставляло удовольствие сознавать, что весь мир станет свидетелем той легкости, с которой они нарушают свои же дипломатические и партийные обязательства.

Крутой поворот советской политики ошибочно было бы объяснять какой-либо одной причиной. На первом месте тут следует поставить интересы советской империи. За исключением Берии, с которым уже покончили, и Маленкова, который некоторое время поддерживал Берию, все советские руководители стояли за сохранение целостности этого сталинского наследия. К тому же международная обстановка в тот момент не только не

препятствовала новому повороту советского курса, но, скорее, ему благоприятствовала. Нападение на Суэц глубоко потрясло и Запад и Азию. Хотя англо-франко-израильские действия могли быть оправданы, создавалось впечатление, что Великобритания и ее союзники намеренно воспользовались событиями в Венгрии, чтобы достичь своих целей на Ближнем Востоке.

Советские руководители получили, в свою очередь, возможность извлечь выгоду из этих обстоятельств. Как было не воспользоваться замешательством, которое вызвал суэцкий конфликт, когда он целиком поглотил внимание генеральной Ассамблеи, вынудив ее срочно обсуждать ситуацию на Ближнем Востоке! К тому же Суэцкая кампания породила разлад между странами Запада: французы и англичане настаивали на интервенции, а Соединенные Штаты — на мирном решении конфликта. Можно ли было мечтать о лучших условиях для советской оккупации Венгрии?

И, наконец, большим подарком для Москвы была как раз в это время протекавшая в Соединенных Штатах предвыборная кампания.

Вызванные венгерскими событиями осложнения были явно на руку части кремлевского руководства. Группа Молотова — Кагановича указывала на них, а также на польские события как на подтверждение правильности своей позиции, противоположной позиции Хрущева. Они получили возможность утверждать, что венгерская революция — прямое следствие XX съезда КПСС, “еретической”, “либеральной” тактики Хрущева. “Венгерская контрреволюция” не случилась бы, если бы Ракоши не выпустил страну из ежовых рукавиц. Сталинисты нашли ценное для них доказательство, что политика Хрущева ослабляла советскую империю и “лила воду на мельницу” империалистов.

Защищаясь, Хрушев говорил, что венгерские события — прямой результат политики Сталина и его сподвижников, что они виновны в подрыве авторитета прежнего режима, они довели народ до восстания против власти и тех, кто ее осуществлял.

Впрочем, в тот момент Хрущеву было не до идеологических и моральных дискуссий. Ему приходилось думать прежде всего о собственном положении в политбюро. Он понимал, что оно пошатнулось, и нужно заново захватывать инициативу. Ему необходимо было опровергнуть молотовское обвинение в “либера-

лизме", продемонстрировать, что он не меньше других дорожит целостностью империи, что он способен расправиться с инакомыслием и отразить "происки империализма". Короче говоря, первой заботой Хрущева было предотвращение консолидации враждебной ему коалиции — сторонников Молотова и военных. Он торопился выступить как надежный представитель генералитета, а потому даже решительнее, чем другие, настаивал на интервенции. Колебаться было некогда, ибо на карту было поставлено его будущее, а, может быть, и его жизнь.

Не было времени раздумывать о том, что новое решение противоречило недавней декларации советского правительства и основным принципам марксизма-ленинизма. Не имело значения, что у всех были свежи в памяти слова Маркса, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы, как и рассуждения Ленина, что ничего плохого не случится, если от России отделятся Финляндия, Польша или Украина, что думающие иначе — шовинисты.

* * *

Численность советских войск на венгерской земле продолжала расти. Однако Надь запретил оказывать им вооруженное сопротивление. Когда советские танки стали окружать аэродромы, венгерские солдаты хотели вступить в бой, но последовал приказ не стрелять.

Была получена нота Юрия Андропова. Советский посол уведомлял венгерское правительство, что демонстранты грозят нападением на советское посольство и что если венгерские власти не могут обеспечить порядок, необходимо просить помощи советских войск.

Надь вызвал к телефону Бела Кирай, которому была поручена оборона Будапешта, и предложил ему немедленно отправиться к советскому посольству, чтобы урегулировать положение. Надь не хотел давать Москве даже ничтожного повода для оправдания интервенции.

Примерно через час из советского посольства была получена вторая нота. Москва соглашалась на создание смешанной комиссии для обсуждения вопроса об отводе советских войск. В ноте сообщалось, что на следующее утро в венгерский парламент

прибудет с этой целью советская делегация во главе с генералом Малининным.

Генерал Кирай телефонировал из советского посольства, что, когда он прибыл туда с моторизованной пехотой и броневиками, у здания не было ни одного демонстранта. Кирай беседовал с послом СССР, и они вместе признали инцидент исчерпанным.

В ночь на 1 ноября два венгерских журналиста под проливным дождем прибыли на аэродром в Матиашфолде. Вместе с национальным гвардейцем они подошли к советскому лагерю. Несколько солдат несли воду к дому, перед которым стоял броневик. Они выглядели усталыми и апатичными. Впоследствии журналисты опубликовали свою беседу с солдатами советской армии на окраине венгерской столицы.

— Откуда вы приехали? — спросили мы.

— Из Темешвара (румынский город около венгерской границы — Ред.), — ответил один из них.

— А что вы тут делаете?

— Нам сказали, что на Венгрию напали немецкие фашисты, и мы должны защищать ее.

В субботу было сформировано новое правительство. Коммунисты и социал-демократы имели в нем по три министерских места, крестьянская партия Петефи получила два министерских портфеля. Революционные вооруженные силы тоже имели своего представителя.

За последние десять лет ни одно венгерское правительство не пользовалось таким доверием, как это. Оно составилось из комбинации разных направлений — как левых, так и правых. Но ни правительство в целом, ни кто-либо из его министров никоим образом не посягал на "завоевания социализма".

Организация национальной гвардии заметно укрепила порядок и общественную безопасность. Революционный комитет по поддержанию порядка назначил генерала Бела Кирай начальником национальной гвардии, а его помощником — Шандора Копачи, который служил прежде в полиции в чине полковника. Город патрулировали смешанные подразделения гвардейцев и полицейских. Они проверяли документы у автомобилистов и пешеходов, отбирали оружие у тех, кто не принадлежал к гвардии или полиции. Таким образом порядок и безопасность были по-

чти полностью восстановлены. Имелось и еще одно убедительное свидетельство укрепления авторитета правительства. Бывшим агентам тайной полиции было предложено сдать власть. Их заверили, что после проверки все невиновные в зверствах получат свободу. Началась регистрация. Никто больше не трогал людей, за которыми еще два дня назад на улицах Будапешта шла жестокая охота. В субботу на регистрацию явилось столько народу, что большинству было предложено возвратиться домой и прийти в понедельник. Успешно проходила и реорганизация компартии. Новый партийный орган "Непсабадшаг" беспрепятственно продавался в тех же кварталах, где прежде жгли "Сабад Неп". В передовице новой газеты было напечатано объявление:

"Желающие вступить в партию должны знать, что членский билет не обеспечит им важный пост или высокое положение. Никаких привилегий у них не будет. Перед нами стоят сложные задачи, предстоит трудная и неблагодарная работа. Впереди суровое будущее — без почестей и верховенства, искусственно поддерживаемого штыками. Мы много потеряли, но зато восстановили честь социализма".

Венгерские руководители старались убедить Советский Союз, что новая Венгрия ему не враг, что, наоборот, ее дружба надежнее, чем при Ракоши.

Министр без портфеля Ференц Фаркаш заявил по радио:

"Добившись признания нашего нейтралитета, мы будем поддерживать искренние и дружеские отношения со всеми социалистическими странами, как в экономике, так и в культуре".

По радио выступил кардинал Миндсенти.

"Даже в нашем трудном положении, — сказал глава венгерской католической церкви, — мы надеемся не иметь врагов, так как ни к кому не испытываем вражды. Мы хотим жить в мире с народами всех стран...

Наше будущее зависит от решения советской империи, войска которой находятся на нашей территории. Радио сообщает, что численность советских солдат в Венгрии возросла. Но мы заявили о своем нейтралитете. Мы не даем никакого повода для кровопролития. Неужели вожди со-

ветской империи не понимают, что наше отношение к советскому народу улучшится, если нас перестанут притеснять? Нападают только на врагов. Мы же не воюем с Советским Союзом, а потому надеемся, что советские воинские подразделения уйдут из нашей страны".

В эти трагические часы правительство и народ Венгрии были едины. Жители города и деревни пытались внушить советским солдатам, что венгры им не враги. Радио города Печ обращалось к советским солдатам:

"Враги венгерского народа распространяют слухи о контрреволюции в Венгрии, о том, будто власть захватили фашисты и реакционеры, которые стремятся восстановить ненавистный народу старый режим. Этим объясняют ваше прибытие сюда...

Но это — ложь. Власть находится в руках венгерского народа. Мы хотим, чтобы Венгрия стала свободной, независимой и демократической страной. Мы не намерены снова сажать себе на шею банкиров и аристократию, но мы не желаем больше подчиняться и сталинистской клике Ракоши, которая ограбила нашу страну, причинила нам страдания, ввергла в нужду... Вы — советские граждане. Живите, как сочтете нужным. А нам, венграм, не мешайте устроить нашу жизнь в нашей стране, как мы хотим. Двенадцать лет назад вы принесли нам свободу, и мы вам благодарны за это. Но зачем вы лишаете нас этой свободы сегодня? Мы хотим жить в мире с вами и с другими народами. Наш народ долго страдал. Возвращайтесь домой, не мешайте нам жить спокойно и мирно".

Такие призывы слышались отовсюду.

Финалом совместных усилий народа и правительства явилась поездка военной делегации, в состав которой вошли Ференц Эрдеи, генералы Пол Малетер и Иштван Ковач и полковник Миклош Суч, в маленький поселок Токол на острове Чепель, где расположилась главная ставка советских войск. Делегацию приняли генералы Калинин, Степанов и Чербанин. Переговоры начались в субботу, 3 ноября, около 10 часов вечера.

Получив сообщение о возобновлении венгро-советских переговоров, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций,

который в ту же субботу вечером приступил к дискуссии о положении Венгрии, единогласно постановил отложить обсуждение до понедельника. Многие делегаты, правда, высказывали сомнения в доброжелательности Москвы и искренности ее намерений. Однако представитель СССР в ООН Соболев заверил Совет Безопасности, что переговоры возобновились. Это подтвердили представители Венгрии и Югославии.

Генерал Малетер сообщил в Будапешт генералу Кирай, что переговоры в Токоле ведутся в мирной и даже дружеской обстановке. До полуночи делегация поддерживала связь с членами венгерского правительства, которые собрались в здании парламента. Надь тоже был там, чтобы следить за ходом переговоров.

В полночь связь прервалась. В комнату, где велись переговоры, в сопровождении вооруженной охраны вошел незнакомый человек в штатском. Это был генерал Иван Серов, руководитель советских органов безопасности. Он объявил, что члены венгерской делегации арестованы. Советский генерал Малинин решительно протестовал и даже выругался, но Серов отвел его в сторону и пошептал что-то на ухо. После этого Малинин приказал советской делегации покинуть помещение и, явно потрясенный, вышел сам.

В истории Венгрии уже был подобный случай. В 1544 году турецкий султан Сулейман пригласил к ужину венгерского дворянина Балинта Торока. Во время пира Торок заподозрил неладное и захотел вернуться домой. Султан, однако, настаивал, чтобы гость остался. "Вы ведь еще не отведали черного супа", — говорил султан. Под "черным супом" он подразумевал кофе. Когда же кофе был подан, янычары султана напали на Торока и надели на него кандалы. С тех пор "черный суп" стал у венгров синонимом коварства.

* * *

В эту субботу Надь заночевал в здании парламента. Около четырех утра его разбудили сообщением, что советские войска атаковали Будапешт. О Малетере и других членах военной делегации известий не было. Телефон советской ставки не отвечал.

Около половины шестого Надь выступил по радио:

"Сегодня на рассвете советская армия начала наступление на венгерскую столицу с явным намерением низложить законное демократическое правительство Венгрии.

Наши войска действуют.

Правительство остается на своем посту.

Я оповещаю об этом народ нашей страны и весь мир".

Во время выступления Надь уже слышался отдаленный грохот артиллерии и треск пулеметов.

Несколько минут спустя радио передало приказ министру обороны Палу Малетеру и начальнику генерального штаба Иштвану Ковачу немедленно вернуться, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. А еще через несколько минут было передано следующее сообщение:

"Венгерское правительство предлагает советским солдатам и офицерам прекратить огонь, избежать кровопролития. Русские — наши друзья и останутся нашими друзьями в будущем".

Но никто уже не обольщался иллюзиями, что эти призывы найдут отклик.

Около 6 часов утра Надю стало известно, что сформировано оппозиционное правительство во главе с Яношем Кадаром. Эта новость была для него большим ударом, чем известие о советском вторжении. Накануне сам Надь настоял, чтобы Кадар включили в правительство. Он мог еще допустить, что Кадар бежал, потому что струсил, но не мог поверить, что тот сознательно изменил своей стране и ему, Надю. "Кто предан коммунистическому идеалу, тот верит в будущее", — писал Кадар. Но все-таки в будущее, а не в советские танки? Как удалось уговорить его так поступить?

Телефон сообщил, что советские танки приближаются к зданию парламента. Все было кончено...

Не удивительно, что Надь потерпел неудачу. Он хотел невозможного. Он хотел остаться человеком среди чудовищ, остаться венгром. Он хотел быть подлинным коммунистом и настоящим патриотом одновременно, а это невыполнимо.

Честный венгр и истинный друг Москвы! Его предали те, ради кого Надь рисковал жизнью, его обманули кремлевские вожди, которым он верил, которым он — надо это признать — служил.

Не он им изменил — они его бросили. Его раздавили люди, интересы которых были ему дороже своих собственных, которым он доверился даже после того, как они обманули его. Теперь он оказался в западне.

Такова была награда за сорокалетний партийный стаж, за подорванное тюрьмами здоровье, за преданность идее, вплоть до жертвования своей честью. Катившие по улицам Пешта советские танки приближались, чтобы его раздавить. Но несмотря на то, что случилось, имя Надя навсегда останется символом борьбы за свободу Венгрии.

... Танки приближались. Вместе с ближайшими помощниками-коммунистами, которым теперь более других грозила месть советских руководителей, Надя сел в машину и направился в югославское посольство, чтобы просить политическое убежище.

Надь и его соратники хотели остаться в Венгрии и участвовать в восстановлении нормальной жизни в стране. Но они намеревались заручиться гарантиями личной безопасности. Если бы это не удалось, они предпочитали уехать в Югославию — страну с коммунистическим правительством, не подвластную Советскому Союзу.

21 ноября Кадар в письме югославскому правительству подтвердил свои неоднократные устные заявления, что он "не намерен расправляться с Надем и его окружением за их прошлую деятельность". Он добавлял:

"Я подтверждаю, что эти люди не нуждаются в политическом убежище. Они могут покинуть югославское посольство и вернуться к себе домой".

Получив эти письменные заверения, Надь и его друзья решили разойтись по домам.

Неизвестно, верил ли Надь Кадару. Покинуть югославское посольство его вынуждало и то обстоятельство, что ему стало не очень удобно там оставаться. 11 ноября, через семь дней после предоставления Надю убежища в посольстве, маршал Тито посетил далматский порт Пула и выступил там в Доме Народной армии с речью, в которой содержались выпады против Надя и оправдания Кадара. После этого чувство собственного достоинства не позволило бы Надю продолжать пользоваться югославским гостеприимством, если был хотя бы один шанс из ста остаться в родной Венгрии.

Эту надежду укрепили и полученные от Кадара гарантии безопасности.

23 ноября в 6.30 вечера Надь и его друзья вышли из посольства, поблагодарив югославское правительство за помощь и предоставление убежища. Все они известили родственников и близких по телефону, что скоро будут дома. Заместитель Кадара Ференц Миних выслал за ними автобус.

Около посольства стояли советские броневики. В этом не виделось ничего тревожного, так как посольство находилось под постоянным наблюдением с 4 ноября. Едва ли Надю было известно, что людей, пытавшихся навестить его в посольстве, попросту арестовывали. В автобусе, который пришел за Надем и его друзьями, находились офицеры советского МВД.

Когда Имре Надь вошел, кто-то — кажется, шофер, — прошептал: "Товарищ Надь, вас привезут не туда, куда обещали". Надь тотчас же вышел из автобуса. За ним последовали его спутники. По настоянию Надя вышли и советские офицеры.

Югославский посол распорядился, чтобы двое сотрудников посольства поехали с Надем и его спутниками. Но как только автобус отъехал, в него вскочил офицер МВД. Миновав, не останавливаясь, дом Надя, шофер затормозил перед зданием, где помещалось советское военное командование. Вышедший оттуда советский подполковник предложил пассажирам следовать за ним. Югославские дипломаты отказались подчиниться, но их вытащили силой вместе с Надем и остальными.

Югославские дипломаты протестовали и подчеркивали, что нарушается соглашение, достигнутое между их и венгерским правительствами, но советский подполковник ответил, что он ничего об этом соглашении не знает и подчиняется приказам своего начальства.

В 8 часов вечера в тот же день по будапештскому радио было передано следующее сообщение:

"Как известно, бывший глава правительства Имре Надь и несколько его сторонников 4 ноября обратились в югославское посольство с просьбой о предоставлении им убежища. Имре Надь и сопровождавшие его лица обратились к венгерскому правительству за разрешением на их выезд из Венгрии в какую-либо другую социалистическую страну. Право на убежище в югославском посольстве истекло

22 ноября. С разрешения венгерского правительства Имре Надь и другие выехали 23 ноября из Венгрии в Румынию”.

Этому сообщению не мог поверить никто, и меньше всего — его авторы. Югославия немедленно заявила протест, в котором говорилось, что Надь не имел намерения покидать Венгрию, что он и члены его кабинета “во время своего пребывания в югославском посольстве... отклонили предложение выехать в Румынию”. Ответ правительства Кадара на эту ноту последовал только 1 декабря. В нем утверждалось, что дело Надя касается только Венгрии, а югославскому правительству предлагалось считать инцидент исчерпанным.

Чтобы рассеять беспокойство за судьбу Надя, Кадар сам выступил по радио.

“Мы не собираемся судить Надя и его сторонников за их прошлую деятельность, — сказал Кадар. — Наши обязательства мы выполним. Мы не считаем их отъезд окончательным, но Надю и другим лучше на время покинуть венгерскую землю”.

Однако не прошло и четырех недель, как Надя и его сторонников назвали “изменниками”.

Центральный комитет Венгерской партии трудящихся, который еще в декабре 1956 года, осуждая поведение Надя во время революции, все же признавал его заслуги в непосредственно предшествовавший ей период, сделал 27 февраля 1957 года заявление, согласно которому Надь и его сторонники “до 23 октября были авангардом революции, а после 4 ноября оказались в ее арьергарде”. Аналогичное заявление было опубликовано и советским правительством.

Ходили слухи, что Надя видели в коридоре тюрьмы на улице Фо, когда его вели на допрос. Было ясно, что его судьба целиком зависит от его советских тюремщиков.

В ноябре 1957 года многие участники движения интеллигенции, вызвавшего венгерскую революцию, были преданы суду и приговорены к длительным срокам заключения.

* * *

Осенью 1957 года в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции съехались представители коммунистиче-

ских партий всего мира. Хрущев был тогда на вершине своей славы. Подавление революции в Венгрии способствовало укреплению его положения. Все соперники Хрущева — Маленков, Молотов, Каганович и Жуков — были устранены. Присутствие на юбилейных торжествах представителей Югославии тоже подтверждало политические успехи Хрущева. Однако югославская делегация отказалась присоединиться к совместному коммунистическим партий. Отношения между Югославией и СССР снова несколько ухудшились, что не могло не сказаться на судьбе Надя и его сторонников.

28 января 1958 года Надю и его “сообщникам” было предъявлено формальное обвинение. Первое заседание суда состоялось 6 февраля 1958 года. Однако в это время в Москве произошло, вероятно, нечто непредвиденное, поскольку суд внезапно прервал заседания, приняв решение о доследовании дела.

На празднование годовщины “освобождения” Венгрии в Будапешт прибыл сам Хрущев. Победитель удостоил своим визитом побежденных. Радиотрансляцию массовых митингов, на которых выступал Хрущев, приходилось оживлять заранее записанными на пленку “бурными аплодисментами”. Эти пленки были изготовлены еще в сталинское время и теперь пригодились снова.

В начале июня 1958 года Хрущев посетил Софию. Во всех произнесенных там речах он делал выпады против Югославии. Перечисляя прегрешения Тито, Хрущев сказал, что во время “контрреволюционного путча в Будапеште” югославское посольство стало опорой врагов венгерской народной демократии, а после подавления путча там укрылась “группа Имре Надя — Гейзы Лошончи — предатели и трусы”. Это звучало предвестием смертного приговора Имре Надю.

* * *

В ночь с 16 на 17 июня будапештское и московское радио одновременно сообщили о казни Надя. В этом коммунистическом сообщении не содержалось ответов на многие естественно возникавшие вопросы: не сообщались имена ни прокурора, ни защитника, не назывались свидетели, ничего не говорилось о показаниях самого обвиняемого и даже о месте и времени суда.

Вскоре прокурор Венгерской Народной Республики Гейза Се-

наши, отвечая на вопросы иностранных журналистов, сказал ("с улыбкой", как было отмечено), что приговор был вынесен судом, который длился 12 дней. Месяц спустя правительство Кадара в ответ на запрос Югославии заявило, что суд проходил с 9 по 15 июня и приговор был вынесен 15 июня. Эти явные противоречия вызвали сомнения в осведомленности венгерского правительства относительно обстоятельств дела. Анализ официальных документов наводит на мысль, что в состав суда, по крайней мере, входили советские представители. Во-первых, ни в одном из публичных заявлений Центрального комитета Венгерской партии трудящихся не было упоминаний ни о Наде, ни о предстоящем процессе, хотя обычно принято подготавливать общественное мнение к такого рода судам заранее. Во-вторых, и официальное коммюнике по этому поводу, и выдержки из протоколов суда, опубликованные в специальной "Белой книге", написаны таким языком, что похожи на плохой перевод, сохранивший особенности языка оригинала. Чтение этих документов вызывает множество недоумений: например, зачем могло понадобиться венгерскому юристу или судье особо подчеркивать, что контрреволюция, о которой там говорится, имела место именно в Венгрии? О собственных внутренних событиях так не говорят. Подозрительна и дата вынесения приговора — 15 июня 1958 года, воскресный день. Венгерский суд никогда, даже во время знаменитых показательных процессов, не заседал и уж ни в коем случае не выносил приговоров по воскресеньям. Слушание дел Миндсенти и Райка, например, постоянно прерывалось по субботам и возобновлялось в понедельник. Если действительно Надя приговорили к смерти в воскресенье, это свидетельствует, с одной стороны, о поспешности, которую можно объяснить заранее заданным сроком, а, с другой стороны, побуждает предполагать, что дело это, по крайней мере частично, слушалось не в венгерском суде.

Согласно официальному коммюнике, на скамье подсудимых, кроме Нады, были еще восемь человек: Ференц Донат, Миклош Гимеш, Золтан Тилди, Пал Малетер, Шандор Копачи, Ференц Яноши, Ежеф Силаги и Миклош Вашархеи. Донат, Силаги, Вашархеи и Яноши, как и Надя, просили убежища в югославском посольстве. Затем чины советской армии доставили их в Румынию, где, как утверждалось, им тоже должны были предоставить убежище. Однако нигде не сообщалось, что Румыния дала им

его. Нигде не сообщалось, почему они были переданы Румынией венгерским властям. Их выдача была явным нарушением международного права.

Пал Малетер был арестован генералом Серовым во время переговоров с командованием советских войск в Венгрии, на которых он в качестве министра обороны и уполномоченного правительства возглавлял венгерскую делегацию. Его арест тоже был вопиющим нарушением элементарных международных норм, не говоря уже о правах Венгрии. Копачи тоже был арестован советскими военными в ноябре 1956 года. Гимеша арестовал в декабре смешанный отряд советских солдат и солдат Кадара. Об аресте Золтана Тилди стало известно впервые из сообщения о вынесении ему приговора.

В том же коммюнике говорилось, что Гейза Лошончи "скончался от болезни". Лошончи занимал в правительстве Надя пост министра без портфеля и был вместе с Надем в югославском посольстве. При Ракоши он провел много лет в тюрьмах, вышел оттуда с тяжелой болезнью легких и нервным расстройством. Не исключено, что новое тюремное заключение оказалось для него роковым.

В коммюнике не было ни слова о членах семей обвиняемых — о 15 женщинах и 17 детях, которых тоже депортировали в Румынию. Только в декабре 1958 года было сообщено, что они, вместе с Золтаном Вашем и Золтаном Санто, получили разрешение вернуться на родину.

Вместе с Надем получили смертный приговор Никлош Гимеш, Ежеф Силаги и Пал Малетер. Ференца Доната приговорили к пожизненному заключению, Золтана Тилди — к 6 годам тюрьмы, Ференца Яноши — к 8 годам, Миклоша Вашархеи — к 5. Коммюнике заканчивалось так:

"Приговоры являются окончательными и апелляции не подлежат. Смертные приговоры приведены в исполнение".

* * *

Говорят, история не повторяется. Но временами случаются удивительные вещи. Венгерская революция 1956 года, как и в 1848 году, началась со студенческой демонстрации. Затем, как и 108 лет назад, разразилось вооруженное восстание, которое было направлено против чужеземной державы, обладавшей ог-

ромным военным превосходством. Обе революции завершились казнью их вождей.

Но в 1849 году, после того как австрийской монархией были вынесены смертные приговоры главе правительства и венгерским генералам, им было позволено, по крайней мере, написать прощальные письма. Была известна дата казни и ее способ. Московские правители отказали Имре Надю и его товарищам даже в этом. До сих пор неизвестно, как это произошло. Мы не знаем последних слов казненных, не знаем не только часа, но даже дня казни.

По слухам, последнюю свою ночь Надь провел за работой. Если приговор, действительно, вынесли 15-го, то это была ночь с 15 на 16 июня. 16 июня в полночь радио сообщило о казни. Скорее всего, это и есть дата гибели Нады.

Примечания

¹ Имеется в виду решение Пленума ЦК Венгерской партии трудящихся от 27-28 июня 1953 года об устранении ошибок в экономике и внутренней политике. На этом пленуме подвергалось критике руководство Венгерской партии трудящихся во главе с генеральным секретарем Матиашем Ракоши, ответственным за экономику Э. Гере, ответственным за оборону и госбезопасность М. Фаркашем и др. Их ошибки привели к одностороннему развитию Венгрии — вместо предполагаемого создания индустриально-аграрной страны, в Венгрии форсировалось строительство тяжелой промышленности. Соотношение капиталовложений в тяжелую и легкую промышленность равнялось 96 : 4, хотя сырьевой базы для развития тяжелой промышленности в Венгрии не было. Насильственная коллективизация привела к резкому сокращению сельскохозяйственного производства.

Реальные заработки рабочих снизились вследствие введения системы принудительных государственных займов. Преследовались ни в чем неповинные люди. "Политика июня" была попыткой ликвидировать эти недостатки. Основные пункты этой политики заключались в следующем:

1. изменение плановых показателей первого пятилетнего плана в пользу легкой промышленности;
2. прекращение насильственной коллективизации сельского хозяйства;
3. восстановление социалистической законности, ликвидация концентрационных лагерей, прекращение принудительного выселения из Будапешта;
4. улучшение положения рабочих путем сокращения сверхурочных работ, а также ликвидации обязательных государственных займов и системы штрафов.

Это был "новый курс", выработанный Имре Надем, который тогда был председателем венгерского правительства. Группа Ракоши саботировала политику Нады, обвиняя его в "правом уклоне". В апреле 1955 г. Имре Надь был освобожден от своих обязанностей председателя правительства и лишен возможности участвовать в политической жизни страны.

² С 1526 года Венгрия была частью Габсбургской империи. До 1848 года правящей нацией империи были немцы. Революция 1848 года, которая ликвидировала крепостное право, для венгров была и национально-освободительной революцией. Под руководством Лайоша Кошута венгры добились принятия конституции (15 марта 1848 года), в соответствии с которой Венгрия получила автономию, признавая при этом Габсбурга венгерским императором.

В 1849 году Габсбурги аннулировали венгерскую конституцию, и тогда Кошут призвал венгров свергнуть императора. На помощь Габсбургам пришел Николай I, и совместными усилиями Австрии и России венгры были разгромлены. 6 октября 1849 года австрийцы казнили тринадцать венгерских командующих, а Венгрия снова стала частью Габсбургской империи. С тех пор 15 марта и 6 октября считаются памятными датами истории венгерского народа.